

София Синицкая
ЧЁРНАЯ СИБИРЬ

Основано на нереальных
событиях

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Мстить – грех, даже демонам...
Не мстить – прощать.

А. Габышев

Ты – вспышка жаркого огня
Во тьме моей Сибири чёрной!

Ш. Бодлер.

*Полдневная песнь**

* Перевод В. Г. Шершеневича.

ГЛАВА 1

Мальбрук в поход собрался...

*Старинная
французская песенка*

Прежде чем послужить траурным завтраком для одичавших, отощавших псов, гражданин Франции Гастон Мушабьер проделал недолгий, но насыщенный событиями путь из отчего дома в раздираемую войной Украину, в посёлок Сироткино, который, собственно, и стал конечным пунктом его земного существования.

Жена никак не препятствовала отъезду нашего героя, совершенно не возражала: «Пусть проветрится!» Он надоел ей хуже горькой редьки бездарными стихами и нытьём о высших целях и незадавшейся жизни. К тому же она не знала, что Гастон собирается стрелять, думала – волонтерить будет, помогать беженцам.

Папаша, возможно, высказался бы против прямого вмешательства семьи Мушабьер в дела чужих, далёких, тем более – воюющих держав, но, к сожалению, давно приказал долго жить и покоился в фамильном склепе под мраморной плитой с красивым керамическим букетом за двести восемьдесят евро.

У Гастона были основания полагать, что мама поддержала бы его воинственный настрой – ей нравилось всё бурное, пламенное, страстное, но старухе перевалило за восемьдесят, корриду и энсьерро она смотрела исключительно в Ютубе, сердце шалило, правая нога опухла, хромала и не влезала в туфлю для фламенко. Сын решил её не беспокоить, не сказал, что едет на войну.

У Гастона были дети, он их баловал, никогда ими «всерьёз» не занимался, не загонял по вечерам в кровать, разрешал есть сладкое и солёное, сколько влезет. Воспитание ограничивалось совместным просмотром старых французских и диснеевских мультиков. Кудрявая Люси и долгоязыые горбоносые близнецы принимали папочку таким, какой он есть, – странным недотёпой, чмокали в губы, помогали искать носки, мобильный и ключи от машины.

Мушабьер служил в медиатеке: бездумно пялился в экран и перебирал бумажки. Он был

совершенно не приспособлен к «работе» – постоянно опаздывал, запутывал, казалось бы, несложные дела, необходимость проявить инициативу вызывала общий паралич и клонила в сон. Ближайшие сотрудники относились к нему снисходительно, а директор называл дебилом и пришельцем из другой эпохи: Гастон принимал живое участие в исторических реконструкциях, по праздникам гулял в собственноручно сшитом костюме воина, с «почти настоящим» арбалетом. «Пё донэ, пё демандэ», – говорил про него директор, это значило «что с дурака взять».

С кем Гастон всегда был на одной волне, так это с дядюшкой Жо-Жо, папиным младшим братом. Даже после его безвременной кончины приходил на кладбище выпить и поговорить по душам. Перед отъездом на войну долго прощался с Жо-Жо, успел выжрать бутылку хереса и «заполировать» абсентом. Зелёные и красные стёклышки старого витража таинственно освещали распятия, пластмассовые и керамические цветы, памятные таблички: «Дорогому дедушке», «Любимой сестре», «Папе», «Бабушке», «Наша грусть бесконечна». Сложив тощее тело на ступеньках усыпальницы, Гастон вздремнул; приснилось, что спит в гамаке, а дядя, живой и весёлый, будит его, сильно раскачивая и выкрикивая

прекрасные, но, увы, совершенно незапоминающиеся стихи. Было обидно. Подобное чувство досады охватывало Гастона, когда при пробуждении таяли вместе со сладкой грёзой и разлетались в дальние уголки Вселенной абрикосовые пироги и домашние паштеты. Гастону часто снилась еда: сыр, макароны, гирлянды колбас, варёный рубец, похожий на потемневший от времени свиток с таинственной надписью. У Гастона был хороший обмен веществ, как бы плотно ни ужинал – просыпался всегда голодным и очень много ел.

У окружающих прожорливость Гастона никак не вязалась с его обликом, вызывающим в памяти Дон Кихота или апостолов Эль Греко – длинных, анемичных, с вылупленными глазами. На сорокалетие друзья подарили Мушабьеру двухтомник Сервантеса 1869 года с иллюстрациями Доре. Отец Гастона был стопроцентный француз, а мать – испанка, последний цветок на засыхающей ветке старинного дворянского рода де Арбуэсов.

Дядюшка Жо-Жо внушил Гастону любовь к поэзии, крепким напиткам, печёным улиткам и лягушачьим лапкам, а также заразил душевным недугом под названием Чёрная Сибирь – опасным, как сибирская язва.

У дяди была жена – настоящая скво, он с ней познакомился на Аляске. Коренастая, нека-

зистая, но чем-то очень привлекательная, с тусклым взглядом исподлобья и загадочной улыбкой. Дядюшка величал её Чёрной Сибирью, которую стащил у Бодлера. «Цветы зла» были его главной книгой, в разных изданиях – от ценных, старинных, сто лет назад разрезанных ножом до новых, с блестящей обложкой – валялись по дому. Жо-Жо называл Чёрной Сибирью всё плохое и депрессивное в своей жизни – не только бедную жену, но и похмелье, расстройство желудка, счета, которые нужно срочно оплачивать, ненастную погоду с ветром и мелким дождём, творческое и мужское бессилие.

В один прекрасный день покорная безответная скво вдруг бросила капризного супруга, сошлась с молодым учёным и уехала в Канаду. Жо-Жо очень страдал, выпивал и сочинял роман в стихах. Гастон по доброте душевной навещал его, старался поддержать, утешить. Вместе философствовали, читали вслух стихи и выпивали.

Всю женатую жизнь Жо-Жо обижал свою скво, говорил, что она недостаточно элегантна и чистоплотна и, вообще, от индейцев воняет – по вечерам поднимается звериный запах. Когда жена ушла, вдруг вспомнил, что ноги у неё были шёлковые, глаза как луна, ласки могли оживить мёртвого, обед подавала вовремя, кофе в постель приносила. Лишившись скво,

дядюшка аккуратно по пятницам уходил в запои, декламировал «Проклятых поэтов» и взывал к телевизору, равнодушно бормочущему про аннексию Крыма, про талибов и погоду: «Вернись, идол! Подлечи истерзанную душеньку. Погладь рубашки! Обслужи, согрей и пожалей! Чёрная Сибирь! О, Чёрная Сибирь!»

Шло время, скво так и не вернулась, родила детей, в общем, нашла своё счастье. Дядюшка погружался в запои, депрессию, в Чёрную Сибирь и тянул туда сердобольного племянника, который охотно стал его собутыльником, чтобы разделить тоску.

«“Же мальд’этр муа!”* – вопил Жо-Жо за пару дней до смерти. – Брель, Верлен, Бодлер – мои друзья, мои кумиры. “Сердце тихо плачет, Словно дождик мелкий, Что же это значит, Если сердце плачет?”**». Лучшая табличка в семейном склепе была у дядюшки – от Гастона, большая, мраморная, со стихотворением:

Прохожий, помяни несчастного поэта,
Что мог бы стать звездой, но канул в Лету.
На кладбище нашёл он свой приют.
Любимцу муз, жонглёру рифм

здесь выпить не дают.

* От самого себя тошно (букв. «мне больно быть мной») – слова из песни Жака Бреля «Пьяница».

** П. Верлен. Песня без слов. Пер. И. Г. Эренбурга.

«Поэт из меня никакущий – но от души», – бормотал племянник, выливая на табличку остаток абсента.

Дядюшка ушёл, но Чёрная Сибирь осталась – вросла лишайником в Гастона, пробиравала до костей и потрохов. Он чувствовал себя не в своей тарелке, казалось, что в небесной мэрии ему предписали судьбу воина-победителя, а земная канцелярия душит мещанским бытом.

На музыкальном фестивале в Тулузе Гастон читал свой рэп про высшее предназначение. Публика хлопала вяло, все ждали выступление малорослого, но подающего большие надежды монстра бретонского фолк-метала в составе украинской группы. В баре Гастон познакомился со Славиком из Запорожья, нашли общий язык на сносном английском. Были волынки, Гастон заказал на двоих бутылку виски и сковородку острых креветок, Славик ответил на любезность кусочком очень неплохого гашиша. В сортире у Гастона был приход, ему, растёкшемуся на унитазах, грезилось, что он раскланивается на сцене огромного театра и тысячи восторженных слушателей аплодируют его таланту. Рядом в кабинке спускали воду, её шум сливался в голове Гастона с овациями, всё гремело, словно Ниагарский водопад.

«Корномюз, корномюз»*, – будто заклинание, повторял пьяный Славик, пытаясь запомнить важное слово.

Гастон и Славик подружились, встречались на рок-концертах и прочих культурных мероприятиях. Вместе выглядели забавно – Рыцарь печального образа и лысый силач в татуировках. У Славика была хорошенькая жена Олеся (ласково называл её Лесенкой), она работала в тулузском доме для престарелых и, похоже, содержала целиком и полностью своего мужа, во всяком случае, Гастон так и не понял, чем зарабатывает на жизнь новый друг, проводящий дни напролёт за кружкой пива и карманной философской энциклопедией.

Гастон не говорил Славiku про свои душевные проблемы и Чёрную Сибирь, зато произвёл большое впечатление рассказом про испанского деда – офицера Голубой дивизии, который сгинул в 1942 году в новгородском болоте.

Весной, когда российские танки заездили по Украине, Славик сказал Гастону, что самое время «отправиться в кораль сводить счёты», «воздать азиатским ордам за смерть благородного дона». Сам с Олесей вернулся на родину мстить за бабушку: она погибла. Послал фран-

* Волынка (*фр.*).

цузскому другу фотографии дыры в стене, розовой занавесочки на выбитом окне, уцелевших банок с огурцами, свежей могилы под деревом и расстроенной физиономии дедушки.

Вскоре Гастон получил ещё серию фоток в Ватсапе: под цветущей яблоней уже две могилки, Славик на развалинах деревенского дома готовит борщ в печке, которая, словно в сказке, одиноко стоит под открытым небом, люди в касках едят этот борщ, Олеся с санитарной сумкой через плечо скалит белые зубы, комментарий: «Ничего орда нам не сделает, так победим орду».

Гастону страшно захотелось стать героем, отведать жгучего борща в романтической обстановке, прямо живот свело. Он отправил Славику проникновенное письмо, прошёл подготовительные курсы по стрельбе и первой медицинской помощи и в начале лета уже ковырял в носу и разговаривал сам с собой на руинах сельца Фёдоровка, в десяти минутах от линии соприкосновения с врагом.

Отряд, в котором воевал Славик, состоял из людей самых разных – своим обликом и характером они, казалось, были несовместимы, но, слившись в единый боевой организм, прекрасно уживались и дополняли друг друга, примерно как моллюски, колбаса, креветки и куриные ноги в пазлье. Кроме профессиональных

военных, там были: толстый пожарный, щуплый плиточник, продавец надувных лодок, аптекарь, учитель, студент, врач-гинеколог Илья Григорьевич, диджей из сельского клуба, депутат, фермер, инженер, два художника, несколько пенсионеров и прочие идейно мотивированные и патриотически настроенные граждане.

Бойцы теробороны без восторга встретили Гастона. Им, измотанным кровопролитным противостоянием наступающим силам РФ и ДНР, нужны были Рембо и Терминатор, а не Рыцарь печального образа. Требовалась подмога в лице какого-нибудь опытного инструктора, а не этой «глисты в скафандре», как выразился школьный учитель и по совместительству командир отряда Сергей Иванович Кондратюк. В натовском бронежилете четвёртого класса защиты и слишком большой каске на вытянутой, как баклажан, голове Гастон смотрелся странно, нелепо. Однако он неплохо и с удовольствием стрелял, ловко прятался за камешком, за былинкой, почти сливался с землёй.

– Я в него верю! – говорил ребятам небритый осунувшийся Славик. – Скоро мы увидим Гастона в действии. Думаю, из него получится отличный диверсант. Он весь в испанского дедушку, аристократа, героя Гражданской войны. Гастон, как его звали? Де Арбуз?

– Да. Антонио де Арбуэс.

– Честный католик, примерный семьянин, храбрый солдат и патриот, благородный до мозга костей, настоящий белый. Сталинский сокол в тридцать девятом сбросил бомбу на ихнюю усадьбу, де Арбуз отправился мстить за разорванных в клочья родителей, совершил множество подвигов, но не справился с советским климатом, замёрз. Видимо, водку пить не умел. Водку пить надо, тогда никакой мороз не страшен. А дедушка мог лишь вино. Гастон – герой нового поколения. Я никогда не видел, чтобы он разбавлял джин или виски. И потом у нас ведь тепло, лето. Осенью, в ноябре, будет победа. Гастон уложится до холодов, да, Гастон?

– Кто тебе сказал про ноябрь? – спросил Сергей Иванович, пригласив Славика в сторонку.

– По моим внутренним подсчётам. Интуиция.

– А по моим – нам скоро будет нечего есть. Ты видел, сколько жрёт твой француз или испанец, сколько в него влезает? Он вчера запихнул в себя четыре банки тушёнки, даже не грел её. Наши из вежливости ничего не сказали, неловко перед интуристом. Пусть обрабатывает!

– Как?

– Как-нибудь. Он за дедушку мстить пришёл? У нас тоже дедушки были героические, только с другой стороны.

– Не думаю, что дело в дедушке. Просто он мой друг. Решил прийти на помощь. Что такого?

По недовольным взглядам и ворчанию камрадов Гастон понял, что слишком много ест, однако умерить количество суточно потребляемых калорий был не в силах. В момент затишья из тенистой фёдоровской рощи, в которой укрывались бойцы, француз пополз в поля, за огороды, в сторону озерца и разрушенной церкви. К вечеру вернулся с набитым термомешком.

– Гастон, кес ке се? Что там у тебя, друг? – спросил Славик.

– Ан врэ делис, мон ами, настоящая вкуснятина.

Гастон выпросил подсолнечного масла, отошёл за разбитые дома, нарыл среди груды пёстрого мусора книгу, покоцанный, но вроде живой велосипед с детским сиденьем, противни, эмалированный тазик, подстаканник с мчащейся тройкой, развёл костерок и приготовил ужин на весь отряд: улитки и лягушачьи лапки – румяные, чинно сложенные, словно нежные ручки кумушки на полной груди, и посыпанные петрушкой.

При виде этого угощения Сергей Иванович и прочие бойцы чуть не проблевались. Славик составил компанию французам – палочкой выковыривали улиток из домиков, обсасывали косточки царевны-лягушки, запивали водкой. За полуобрушенной стеной, где догорал костерок, был прилёт – видимо, заметили дым.

ГЛАВА 2

...Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская.

Н. В. Гоголь

- Цибуля.
- Лук, разумеется.
- Так. Черевички.
- Башмаки.
- Зачёт. Варенуха.
- Водка.
- Совершенно верно. Варёная водка с пряностями.
- Чумаки.
- Челночники. Купцы? Торговцы?
- «Малороссияне, едущие за солью и рыбою, обыкновенно в Крым».

С растрёпанным Гоголем 1968 года Славик учил собратьев по оружию старым словам, приводимым пасечником Рудым Панько в предисловии к «Вечерам».

– Гаман.
– Хрен его знает.
– «Род бумажника, где держат огниво, кремь, губку, табак, а иногда и деньги». Гастон, «паляница» – это хлеб. Скажи «паляница»! Молодец, почти, почти. «Буряк»! Да не «бурят», а «буряк». Дадим тебе украинское гражданство. «Героям слава!» Да не «сало», а «слава».

Француз смеялся, учил новые непроизносимые слова, его тянуло на развалины, нашёл ещё крем для бритвы и целый стакан для подстаканника.

– Гастон, не ходи туда, рест ля, не светись, шер ами, и нас не пали. И не балуйся с огнём. Готовим на свечах, чтобы без дыма. Мы – призраки, сидим в засаде, нас нет.

Кондратюк ворчал, что настало время отправить шаромыжника на задание – глистой проползти в оккупированное Сироткино, посмотреть, откуда стреляют, для наводки отправить геолокацию вражеского подразделения, запустить сигнальную ракету или тупо посветить фонариком.

– «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить...» Не до шуток, Николай Васильевич. – Слюня палец с мордой козла, выбитой на фаланге,

Славик листал книжку. – «...Кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух». Артиллерия сверлит, Николай Васильевич. Наша артиллерия! Что дальше... Не так ли и ты, Киевская Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? «Не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение?»»

– Это наши «джавелины», Николай Васильевич! – подал голос сонный Кондратюк. – Молотят орков.

– Серёга, а что бы сейчас Гоголь сделал?

– В Италию уехал.

– Правильно, пускай пока в Риме сидит, третий том пишет. Гастон, ты читал «Мёртвые души»?

– Я слушал передачу, но всё забыл. «Тараса Бульбу» читал.

– Ну, значит, в теме.

– Я и Достоевского читал.

– Это не наш союзник.

– Почему?

– Империалист.

– Вы тоже империалисты.

– В смысле?

– Вам важна территориальная целостность Украины?

– Что за вопрос.

– Национальное самосознание?

– Естественно.

– Тогда вы империалисты. Как Достоевский.

– Достоевский поляков душил.

– А вы у Гоголя что делали? Друг, ты на каком языке с товарищами говоришь? Почему объяснял украинские слова?

– Потому что мы говорим по-русски, и, наверно, это не есть хорошо. Надо знать украинский, даже непонятный, девятнадцатого века.

– Чем вы отличаетесь от русских?

– Всем, Гастон, абсолютно всем. И не от русских. От рашистов! Мы: я, Серёга да почти все, кого ты здесь видишь, – русские. Киевские русские. То есть настоящие. А они не русские, они рашисты, мокша и орда.

– «Мокша» – это кто?

– Мокша, мордва, чудь белоглазая. Дикие племена. Зародились на финских болотах. Из ядовитых испарений. К нам, славянам, не имеют никакого отношения. Но лезут в русичи. А ведь это мы – русичи. Они – духи болотные, кикиморы, блуждающие огни. Выморочные. Вообще не люди.

– У меня был финский инструктор по стрельбе Пекка Макконен, серьёзный человек.

– Я не хотел обижать финнов. Мало ли что у них на болотах завелось. Они действительно тут ни при чём.

– Славик, ты опасно рассуждаешь.

– Да, и свастончик у меня на запястье. Гастон, я шучу. Мне хочется всех уважать, но не получается. Я бабуся потерял. За жену переживаю. Теперь, как Дракула у Стокера, кровью готов заливать моё несчастье.

– Где твоя Лесенка?

– Как обычно, возится со старухами. Мягкой силой перемещает в безопасное место. Хотя где сейчас безопасно? Старухи сопротивляются, цепляются за живность свою, за банки с вареньем. Смотри! – Славик показал селфи красавицы-жены за рулём микроавтобуса, забитого клетчатыми сумками, на фоне – взволнованная бабулька, чёрный кот, собачка и петух. – Я нервничаю, я, можно сказать, в ярости, так что отнесись ко мне снисходительно. Ты же знаешь, я добрый. Просто пытаюсь сказать, что мы по всем параметрам отличаемся от врага. Думаю, у тебя будет случай в этом убедиться. Что там дальше? «Русь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа». Мы несёмся к светлому будущему, я так

считаю. «...Косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Ливерная колбаса пусть посторанивается, все эти Шольцы. Скоро Украина будет главной страной в Европе, светом в мировом окошке.

Закрыв книжку, Славик задумался. В камышах стояла луна, выли собаки, погромыхивало.

Сквозь дрёму Гастон услышал всхлипы и матерное шипение.

– Славик?

– Мы для них мёртвые души. Не имеем права на существование. Они говорят, что наше государство выдуманно, и не Господом Богом, Гастон, а большевиками, Хрущёвым и Ельциным. А мы уже всему миру доказали, что Украина – это сверхгосударство, не просто территория, земля, святая для нас земля, но некая высшая идея и даже философская величина.

– Так я и говорю, что вы как русские имперцы.

– Гастон, ты за путиноидов или за своего дедушку?

– За дедушку.

– Правильно. Гнилую русню уважать не за что. Они называют Украину недогосударством. Ну-ну. Дело в том, что у них государство – большой мыльный пузырь, который оторвался от земли. Государство есть, а страны нет, она

где-то там, далеко осталась. Они страну свою потеряли. Страна – это люди. Где их люди, где народ с его волей, с его открытыми глазами? Нету. А у нас всё сварено без дефектов и клеймом божественного сварщика промаркировано. Надо от мокши откреститься. У меня козёл выбит и «волчий крюк», мощная защита от оборотней, но вообще-то я православный христианин. На орков – дунуть и плюнуть. Они рабы и разрушители, выросли как белена за гаражом. Всё советское – боль и патология. Чудики, совки. Нас с ними ничего не связывает. Но есть одна проблема.

– Какая?

– Существенная. Подрывная деятельность «Союзмультфильма» и Одесской киностудии. Ты «Маугли» читал?

– Это русский писатель?

– С тобой всё ясно. Рассказ Киплинга не так прекрасен, как советский мульттик. Меня сделали питон Каа и пантера Багира. Без них я был бы не я. «Так они называли меня жёлтой рыбой?..» – «Да! Да! И ещё червяком! Земляным червяком!»». Бессмысленно переводить на английский, ты всё равно не поймёшь. Моё поколение выросло на советских мультфильмах, как теперь выдавить из себя Акелу? А «Остров сокровищ»? «Там, у бушприта, из воды вынырнул морской дьявол...» Через пол-

часа Сэнди помер. А море сразу успокоилось». Роман Стивенсона замечательный, но советский фильм – просто шедевр. Племянников сделали «Ёжик в тумане» и «Простоквашино». Сестра им всё это с рождения показывала. Близнецы. Кусаться начали, решила отнять от груди, они орали. Знаешь, кто спас? Капитан Врунгель. Поставила им нон-стоп все серии. И подсунула жареную сосиску. Это отличный мультик. Они про материнскую грудь забыли, через день стали куриную ногу грызть. Их первая любимая песня не колыбельная какая-нибудь, а «Постоянно пьём “Чинзано”, Постоянно сыто-пьяно». Как ты это на украинский переведёшь? Никак. «Тайна третьей планеты» – это очень круто. А Штирлиц? А «Щит и меч»? Я Любшину и Тихонову всем обязан. И Золотухину. «Бумбараш» меня в детстве поразил. А «Белое солнце пустыни»? А Жеглов с Шараповым? Иду воевать с руснёй, а в душе играет музыка Артемьева, ты же фанат Тарковского, я знаю... «Мосфильм» с «Ленфильмом» как в душе своей отменить? Мы с бабусей смотрели «Москва слезам не верит» и ели молочный кисель. Грецкий орех выше крыши и жёлтая черешня, самая сладкая. Москва бабусю осколками посекала.

– Мне очень жаль твою бабушку. Не совсем понятно про кино и мультфильмы. Но это

у тебя личное, твоя травма, не буду комментировать.

– Не комментируй. Что ты можешь понять? Я не знаю, на каких ты стихах рос. Вот я – на советских, и как мне их забыть? А надо забыть, всё советское несло нам горе, но вот это, моё любимое, я тебе по-русски прочитаю, про девочку, которой не спится. Знаю, что ты поэт, я не могу оценить твои стихи, но верю, что они хорошие, вот и ты поверь мне на слово – это удивительная поэзия, образы, вырастающие в сознание ребёнка:

Ветры к югу повернули,
В переулках – ни души.
Сонно на реке Амуре
Шевельнулись камыши,
Тонкие качнулись травы,
Лес как вкопанный стоит...

У далёкой
У заставы
Часовой в лесу не спит.

Он стоит,
Над ним зарницы,
Он глядит на облака:
Над его ружьём границу
Переходят облака.
На зверей они похожи,
Только их нельзя поймать...

Спи. Тебя не потревожат,
Ты спокойно можешь спать*.

Мне это дед читал. Я представлял себе волков, бегущих по небу, и защитника – советского часового. Это был мой главный воображаемый друг. А весной советский часовой угробил бабусю, дед от горя умер. Это ужасное предательство, не знаю, как с этим жить. Часовой занял огневую позицию на Воробьиной горе и целится в нас. Подожди, отолью. Главное, с мысли не сбиться.

Славик пошёл в кусты. Гастон смотрел на ветки акаций, волнующихся в ночном небе, и вспоминал сухую природу Лангедока: «У нас нет этой трогательной нежности – только колючки, сосновые иголки или тёмная зелень платанов».

Вернулся Славик, на ходу застёгивая штаны.
– Наша молодёжь понимает, что французом, уж ты прости меня, Гастон, или немцем можно родиться, а украинцем надо стать. Мы особый народ, особая нация, именно сейчас мы выковываем себя как этнос на глазах у всего изумлённого мира. Только вот проблема с языком. Не все говорят по-украински. Мои племянники выросли на советских мультиках, впитали «великий и могучий» во

* Сергей Михалков «Светлана».

младенчестве. Стали подростками, и тут русский язык в них вбил окончательно Оксимирон. Они не мыслят себя без русского рэпа. Я понимаю, что Оксимирон топит за Украину, спасибо ему, но вот русский... Пел бы по-английски. Хотя он поэт, ему, наверно, важны все эти русские рифмы, ассонансы, аллитерации. Талантливый парень. Ты слушал Оксимирона? Прости, перевести его не смогу. Вот у него интересное, в этих словах я слышу что-то важное о становлении нации:

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

* Оксимирон «Организация». В РФ признан иностранным агентом.

** Там же.